

Николай ДЕГТЯРЁВ

член Союза российских писателей

С ДЕТСКОЙ ДУШОЙ И ЧИСТЫМИ ПОМЫСЛАМИ... (К 70-летию со дня рождения Анатолия Филатова)

Июнь 1968 года... Прошла неделя, как я вернулся из армии. Эйфория свободы носила меня по пыльным улицам утопающего в зелени Белогорска и привела, наконец, к воротам завода «Амурсельмаш». Тогда многие называли его по-старому – МРЗ (Мотороремонтный завод). Литейка ошеломила грохотом, жаром и пылью. Брызги расплавленного металла разлетались по цеху, попадая на толстую шерстяную робу литейщиков. И я остался...

Общежитие располагалось в одном здании с проходной. Окна комнаты выходили на территорию предприятия, которое на долгие годы стало мне родным. Здесь я познакомился со своей будущей женой. Филатова я тогда знал только по газетным публикациям. Познакомились мы гораздо позже, в 1977-м.

Через год, после «морской жизни», на которую мы с супругой решились, чтобы заработать на жильё, я снова вернулся на завод, но уже в качестве такелажника и резчика металла. Позже меня с бригадой будущих специалистов литейного производства направили в Конотоп, где мы освоили нужные нашему заводу специальности. Вернувшись, наладили выпуск литья в новом цехе, на индукционных тигельных чугунных печах. Жаль, Филатов не запечатлел в кинохронике первую плавку (он уже жил во Владивостоке). Почётное право провести её было доверено нашей смене. До сих пор помню этот день и своих помощников: двух Викторов – Сидорова и Ковлякова. Из первого чугуна была отлита памятная доска. После событий 1991 г. её вместе с оборудованием цеха отправили в качестве металлолома на переплавку в Китай.

Завод имел свой профилакторий, спортивно-оздоровительный комплекс и Дом культуры, в котором кипела жизнь, напоминая фильм «Карнавальная ночь». Здесь же проводились торжественные мероприятия. 5 ноября 1977 г. в Доме культуры отмечалась 34-я годовщина со дня основания завода: состоялось торжественное собрание, вручались награды, подарки... Звучки духового оркестра вырывались далеко за пределы ДК. Было весело. Среди всей этой праздничной суеты вертелся с кинокамерой в руках, фотоаппаратом на шее и сумкой наперевес невысокого роста вихрастый молодой

журналист. У нас завязался разговор, который продолжился в буфете.

– Мы, творческие люди, не прочь пропустить рюмку-другую, тем более с «рабочим классом»... Филатов, собкор Амурского телевидения, – не без пафоса представился мой новый знакомый.

– Николай – резчик металла...

Мы выпили по стакану красного вина, потом добавили ещё...

На другой день встретились на любительской киностудии. Так завязалось наше знакомство, которое переросло в дружбу на долгие годы.

Впоследствии выяснилось, что Анатолий – из почти родного для меня Владивостока. Здесь, на Русском острове, служил мой отец, здесь он женился, здесь живут многие мои друзья, двоюродные братья, сестра. Здесь и я с супругой Зинаидой работал в «Дальморепродукте», в крабовой флотилии «Павел Постышев».

Родился А. Филатов 7 декабря 1941 г. Его отец пришёл с войны израненным и умер в сорок пятом. Толя рос болезненным мальчиком. «В детстве, – рассказывал он, – я часто лежал в больницах, читать меня научили медсёстры. И по вечерам, когда не мог заснуть, я звал нянечку и рассказывал ей прочитанные сказки, выдавая их за свои. Медсёстры и нянечки жалели меня, хвалили и всегда приносили что-нибудь вкусненькое. Свой первый стишок я написал в третьем классе. А уже в шестнадцать стихами заработал себе на брюки».

После окончания седьмого класса Филатов пошёл работать на Дальзавод. В послевоенное время это было неплохим стартом для начала жизни. Несмотря на юный возраст, Анатолия направили в бригаду судосборщиков. Профессия тяжёлая, но хорошо оплачиваемая.

Армейскую службу Филатов проходил в военном совхозе в селе Томичи под Белогорском. Здесь же он окончил вечернюю школу, встретил свою первую любовь Эльвиру, которая впоследствии стала его женой и родила двух девочек и сына. Свои первые заметки в газеты «Суворовский натиск» и «Ленинский путь» Анатолий написал во время службы.

После демобилизации вместе с Эльвирой Анатолий переехал в Белогорск, устроился работать в «Ленин-

ский путь», где его хорошо знали по публикациям. Своего будущего друга и наставника поэта Игоря Алексеевича Ерёмину он встретил в первый же день. Вот как описывает эту встречу сам Анатолий Ефимович:

«Проходя через парк имени Дзержинского, наполненный музыкой, льющейся из репродуктора, я увидел на лавочке крепко сбитого рыжего человека.

– Скажите, пожалуйста, где здесь «Ленинский путь»?

Рыжий усмехнулся как-то в себя, щёки его дёрнулись.

– Мы все идём этим путём.

Я не принял юмора и спрашивал дальше.

– Да редакция где-то здесь, «Ленинский путь».

– Вон там, – кивнул он в сторону забора, за которым возвышалась шиферная крыша одноэтажного здания. – Что хотели?

– Насчёт работы.

– Журналист, что ли?

– Нет.

– А-а-а, – протянул он безучастно, и глаза его – голубые, слегка навывкате – тут же потеряли ко мне интерес.

Уже через два дня мы сидели с ним в комнате с печным отоплением. На толстых, из тяжёлого дерева дверях висела табличка «Отдел писем». Я уже знал, что мой начальник Ерёмин, этот солнцеголовый человек – поэт».

Это была осень 1966 года. В те времена газета и помещение редакции были пропитаны духом творческого энтузиазма. В небольшой газете провинциального города кипела напряжённая литературная жизнь. Здесь были и свои поэты: Андрей Гажа, Георгий Кузьмин, Игорь Ерёмин, и прозаики: Валерий Тряпша, Евгений Свиридов. Владимир Иваровский был не только прекрасным художником, но и сочинителем остроумных эпиграмм и мало уступал в этом редактору газеты, талантливому журналисту и писателю Анатолию Михайловичу Дроздову, впоследствии главному редактору областной газеты «Амурская правда».

Работать в таком творческом коллективе – великое счастье. В редакции часто проводились литературные вечера, диспуты, дискуссии. Регулярно выходила литературная страница, в создании которой принимали участие и читатели: Сергей Кадомцев – ныне член Союза писателей России, Ирина Печинская – член Белогорской литературной студии. В этом содружестве творческих личностей был и лидер – Игорь Ерёмин.

Писать о Филатове, не вспоминая Ерёмину, нельзя. Игорь был, несомненно, талантливым человеком. Он это знал и иногда без ложной скромности или даже с вызовом подчёркивал своё превосходство над друзьями и коллегами. Но мы ему всё и всегда прощали. Потому, наверное, что за внешней бравадой ощущали детскую непосредственность. Для Филатова Игорь был и другом, и наставником, и учителем, и чем-то большим. Ерёмин оказал сильное влияние на всю его жизнь и судьбу. Имен-

но он благословил Филатова на нелёгкий творческий путь. Повышенная требовательность к себе и людям, к написанному передалась и Анатолию. Он был предан Игорю до конца своих дней.

В конце семидесятых вокруг Ерёмину сформировался круг друзей-товарищей, в котором Филатов был «движителем». Его неуёмная энергия заряжала и объединяла всех нас – таких разных людей. Как-то он сказал мне: «У меня пульс, как у кролика, всегда зашкаливает». Ему постоянно надо было куда-то бежать, что-то делать, суетиться, иначе он впадал в депрессию, становился раздражительным, придирчивым, недовольным всем и вся. В такие моменты он в сердцах мог сказать человеку что угодно, не думая о последствиях.

Творчество Филатова было таким же стихийным. Он брался за всё: пьесы и поэмы, стихи и детские рассказы, очерки и сказки... Позже это свойство природы отразилось и на политических взглядах: то он называл себя «в душе коммунистом», то чуть ли не проклинал «коммуняка». В период ельцинизма, работая начальником рефрижераторной секции, на вагонах вывешивал плакат: «За Ельцина», после расстрела Дома Советов написал поэму «Борис Кровавый». Повседневная жизнь Анатолия томила и угнетала, от неё он с головой уходил в любую работу или... в алкогольный дурман.

Владимир Евстюхин – музыкант, большой любитель и знаток аквариумных рыбок, напротив, был сдерживающим фактором при частенько возникающих интеллектуальных спорах. Все они: Анатолий, Володя и Игорь – жили в одном доме на Северной. Там бывало много гостей, в том числе ныне известные поэты Олег Маслов, Игорь Игнатенко, Виктор Алюшин... Сейчас этот дом украшают две мемориальные доски, они увековечили память Игоря Ерёмину и Анатолия Филатова. Евстюхин умер позже Ерёмину, но раньше Филатова, однако не был удостоен столь высокой чести.

Я, единственный рабочий в этой компании, жил в частном доме. Позже Анатолий писал: «Когда-то на одной из тихих улочек Белогорска во дворе невысокого домика, окрашенного в зелёный цвет, мы часто сидели втроём, выпивали, говорили о поэзии (Николай Трифонович по молодости писал стихи) и с трудом добивались от Игоря, чтобы он прочитал нам что-нибудь». Игорь не любил хвалебных слов, но и критику признавал только компетентную. Я больше молчал и слушал. В один из тёплых летних дней мы сидели под черёмухой за бутылкой вина (Игорь водку не пил), отмечали мой отпуск. Жена была на работе. Встреча затянулась до полного нашего опьянения. Даже я начал читать стихи, которых знал немало, и так увлёкся, что на ходу стал сочинять рифмованные импровизации, чего никогда до этого не делал. Игорь молчал, лицо его было красным и удивлённым. Володя и Толя выражали одобрение. Я так был поглощён своей «поэзией», что, когда все ушли и пришла Зина, продолжал рифмовать всё, что попадало на язык.

На трезвую голову Игорь никак не оценивал мою «поэзию». Володя на другой день мне сказал, что в жиз-

ни не слышал столько стихов сразу. Толя упрекнул: «Почему ты скрывал, что пишешь стихи?» «Ты вчера весь вечер нёс такую чушь!», — оценила моё «творчество» жена, единственный человек, кто трезво прослушал «стихи» до конца.

Филатов вспоминал: «...Иногда мы выбирались на берег Томи. Евстюхин захватывал с собой оранжевый баян, хотя чаще всего его меха так и не показывали свою широту и не трогали музыкой знойный день и желтизну быстро мчавшихся вод. Дно реки илистое, с неожиданными ямами, здесь, бывало, тонули люди. Но известно, что пьяному море по колено, и мы лезли в эту широко струящуюся желтизну реки и находили в том удовольствие. Правда, и здесь Игорь Алексеевич оказывался как бы сам по себе. Он оставался на берегу и созерцал окружающее, воспринимая всё по-своему, по-ерёмински».

Несмотря на то что Игорь Алексеевич всегда был окружён друзьями, он, видимо, ощущал себя одиноким. Однажды Владимир Евстюхин что-то сказал по поводу нашей дружбы, на что Ерёмин со свойственной ему иронией ответил:

— Да какие мы друзья, мы собутыльники...

И это подтвердилось после его смерти, которая настигла поэта 26 апреля 1983 г. в Благовещенске, на его новой квартире. Кроме жены Галины и дочерей, на похороны из Белогорска никто не приехал. Когда на траурном митинге у могилы Ерёмина Олег Маслов предоставил слово сотрудникам газеты «Ленинский путь», из Белогорска, кроме меня, никого не оказалось. Анатолия Ефимовича тоже не было, к этому времени он уже жил во Владивостоке. Его дочь-студентка жила в одной комнате с дочерью Игоря Алексеевича, поэтому я, оглушённый страшной вестью, не дал телеграмму о смерти, будучи уверен, что Филатов приедет на похороны вместе с дочерьми Ерёмина. До конца жизни Ефимыч (так я его звал последние годы) мне этого не простил и корил себя, что не проводил в последний путь лучшего друга и Учителя. Через пару лет, приехав в Белогорск и сидя на скамейке в парке Дзержинского, Филатов написал:

Глоток воды,
Ещё глоток воды!
И, может быть, покинет сердце жажда.
И в памяти прорубятся следы
Сквозь тихий парк,
Где шёл ты не однажды.
Глоток воды,
Ещё глоток воды.
За «воду» ты ругал,
Читая гранки.
Как сердце жжёт от этой вот беды,
Что дочерям ты не сорвёшь саранки.
Что без тебя раскроется «Большак»¹,
Листвою строчек путников встречая.

Прости, что плохо твой запомнил шаг.
Прости, что свет такой не излучаю!
Всё кажется:
Откроется окно,
Солнцеголовый, выглянешь ты сверху,
И я пойму:
Ты ждёшь меня давно
Бессонной ночи гранок сделать сверку.
Глоток воды,
Ещё глоток воды!
И, может быть, покинет сердце жажда.
Да забинтую в памяти следы
Сквозь тихий парк, где шли мы не однажды.

Пасмурным апрельским днём 2010 г. мы со Станиславом Демидовым, Павлом Никиткиным и тогдашней заведующей литературно-краеведческим музеем БГПУ Ириной Селивёрстовой, побывав в Благовещенской кладбищенской канцелярии, обшарив чуть не всё кладбище, так и не смогли найти могилу поэта. Затерялась она где-то на погосте, как человек в толпе... Слава Богу, что в библиотеках, сердцах и умах многих читателей Игорь Ерёмин жив и ещё долго будет жить.

Сам же поэт к смерти относился философски. Вот отрывок одного из последних его стихотворений:

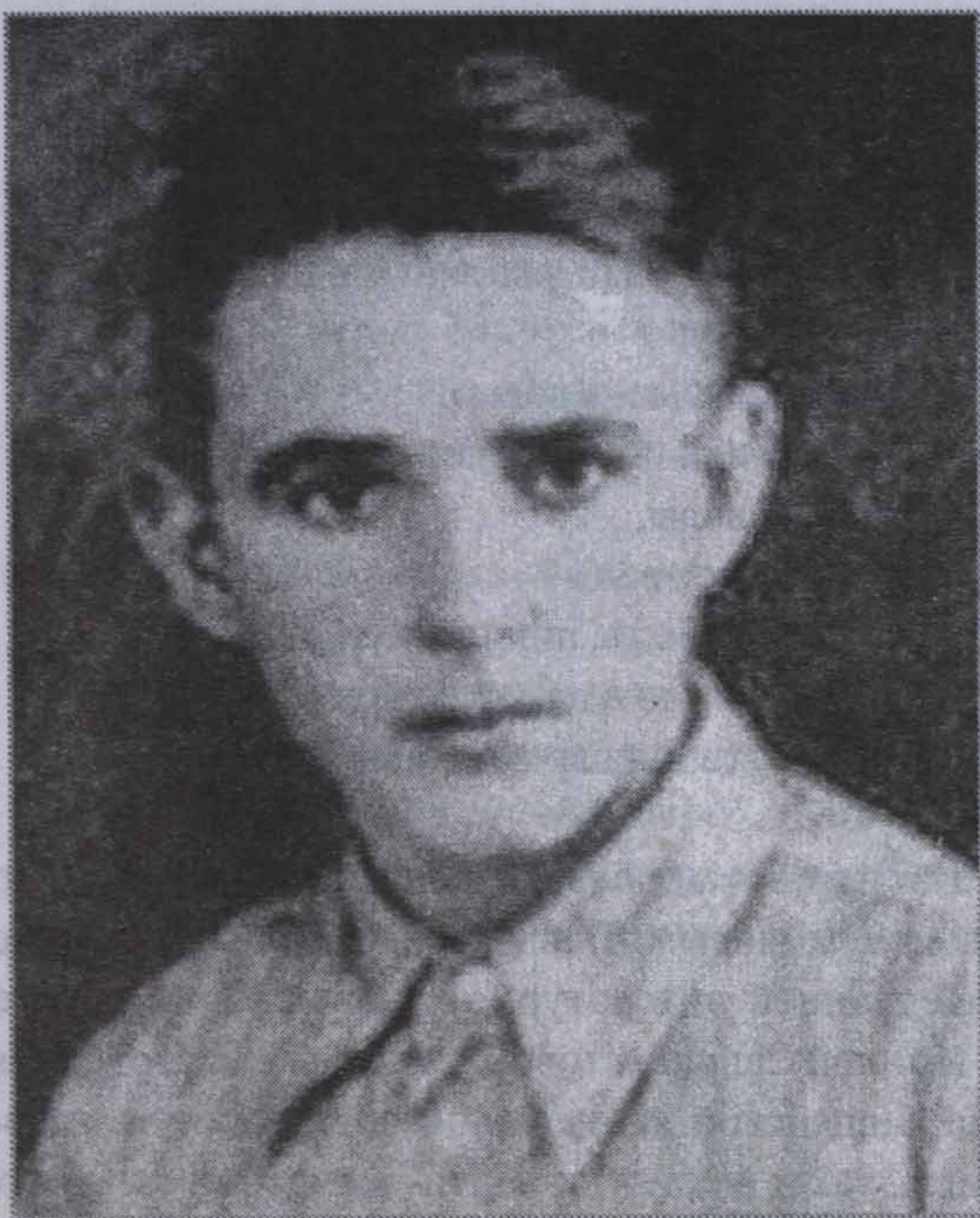
...И вид почерневших валежин
Иль, скажем, замшелого пня
Всё меньше и меньше тревожил
При мысли о смерти меня.

Глядел я в грядущее смело.
«Природа, — я думал, — права,
Ведь старость имеет пределы,
А молодость вечно жива.

Заботой жива и тревогой
Того, кто взрослее её,
Кто перед последней дорогой
В ней видит бессмертье своё».

В период нашего знакомства и позже Анатолий уже не работал в газете, но с журналистикой не расставался. Основная его должность — собственный корреспондент Амурского телевидения. С кинокамерой он объездил всю область, снимая скотников и доярок, механизаторов и строителей, рабочих заводов и угольных разрезов, золотодобытчиков и оленеводов... Но особенно Филатов любил командировки на комсомольско-молодёжные стройки — БАМ и Зейскую ГЭС. Часто в такие поездки отправлялись целые творческие коллективы: артисты, писатели, художники, журналисты. Приходилось Анатолию бывать и на заставах, нередко со своим коллегой Виктором Алюшиным — редактором «Солдатского часа» и прекрасным амурским поэтом-лириком. Их дружба длилась долгие годы. Оба стали членами Союза

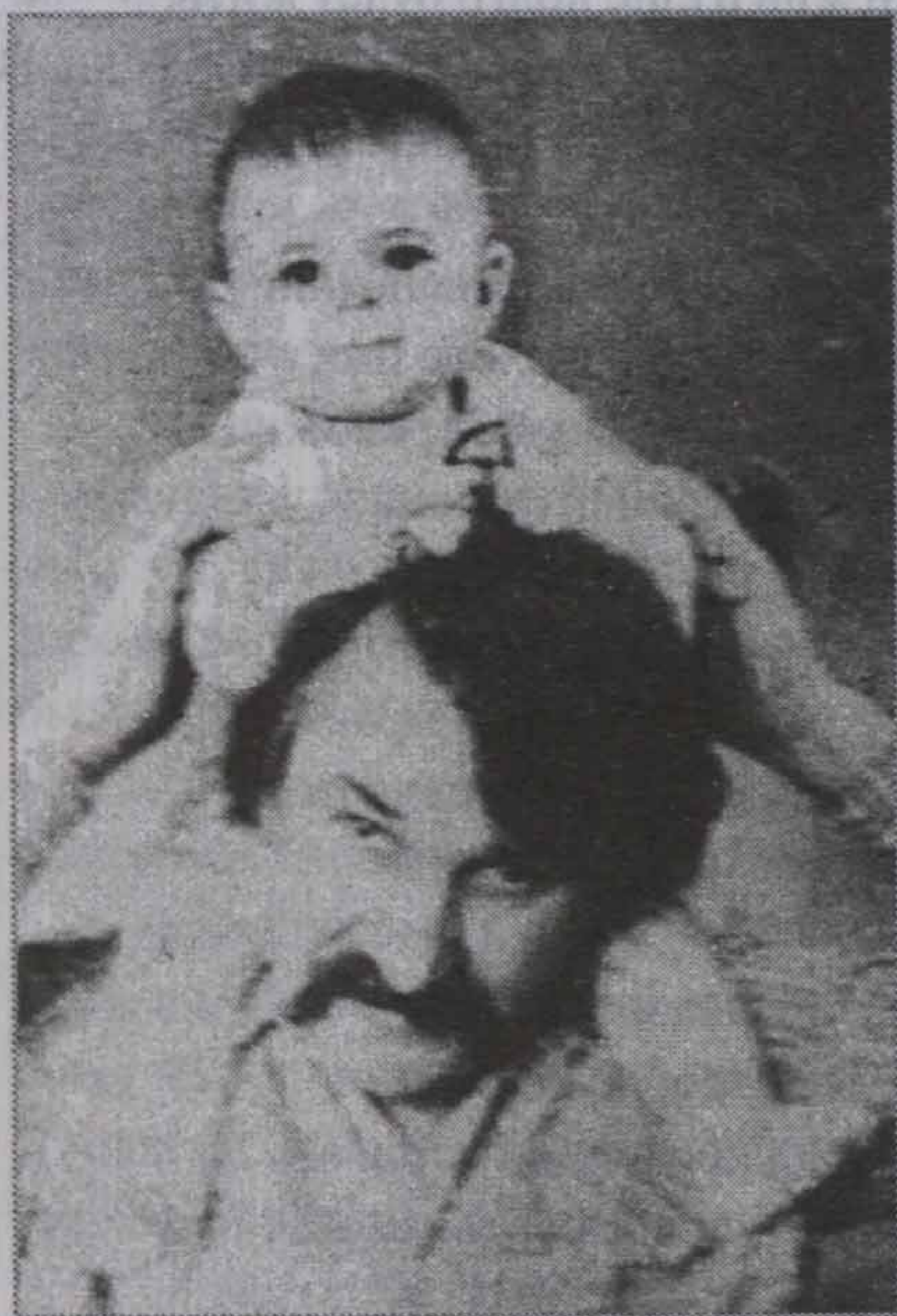
¹ «Большак» — поэма Игоря Ерёмина.

Юность

С женою Натальей. Сер. 80-х гг.

С дочерью Надеждой. Конец 80-х

С котиком на острове в Охотском море

Н. Дегтярёв, Николай Тимашев, А. Филатов. Нач. 80-х

Н. Дегтярёв и В. Алюшин. Конец 80-х

90-е годы. Белогорск

*А. Филатов в краеведческом музее
Белогорска*

В поисках могилы И. Ерёмкина. 21.04.2008

Мемориальная доска

писателей, и когда Филатов приезжал в Амурскую область, всегда старался навестить Виктора. Вот отрывок письма, где он описывает свою последнюю встречу с Алюшиным, не предполагая, что сам уйдёт из жизни раньше него:

«Задумывался ли ты когда-нибудь над судьбой Алюшина? Ты, да и многие другие, возвели его в ранг пьяницы-дитя, с которым бесполезно вести речь. Да, он умрёт, если перестанет пить. Но водка ему нужна не как сама водка, а как защита от окружающей грубой и жестокой действительности. И куча кошек в квартире – не какой-то каприз, это его духовный мир, с которым он общается и которому изливает свои чувства. При последней встрече он назвал меня сатаной. И ещё сказал: “Я одинаково сильно люблю тебя и ненавижу”. Я понимаю его. Мы вместе колесили с ним по просёлочным дорогам на его мотоцикле, столько было разных историй – вот в чём причина наших тёплых отношений друг к другу. Ненавидит – потому что я веду трезвый образ жизни, и у меня всё идёт вроде бы неплохо.

Если ты психоаналитик, то я просто литератор, и мне не чужда любая человеческая душа, и каждую я стремлюсь понять. Вот и здесь я не хлопнул дверь на его “сатана”. Я сходил в магазин, мы вспомнили Ерёмину, подняли по рюмке, и я не умер от этого и не стал алкоголиком».

...А Виктор Георгиевич Алюшин умер, правда, несколько позже, в мае 2011-го, я в это время работал в Хабаровске и не смог проводить его в последний путь.

Сколько людей потеряла Россия из-за алкогольного нашествия? Пожалуй, больше чем от всех войн, вместе взятых. Сколько талантов погубила! Амурская земля навсегда приняла в свои объятия немало не успевших полностью раскрыть свои таланты писателей, журналистов, музыкантов.

Анатолия Ефимовича, как и всю нашу компанию, эта «эпидемия» не обошла стороной. Из письма: *«Я не хотел вспоминать, но вспоминается, как ты, Евстухин, иногда и Ерёмин приходили ко мне в киностудию, где, оставив свои дела, я пил вместе с вами, а потом нагонял упущенное. И это мне удавалось. И сюжеты шли по телевидению, и любительские фильмы выходили. Но я первый проснулся и понял, что есть другая жизнь и что-то надо делать, как-то выйти из этого штопора... Я тогда, глубоко верующий в Бога, мысленно постоянно обращался к нему: помоги мне, вырви из этого ада... И я поехал в Будунду. А когда по возвращении у меня не получилось, и ты знаешь почему, я пришёл к тебе и попросил повторить мой шаг».*

Недолгой была его трезвость, но меня она подвигла на героический, можно сказать, поступок: 14 октября 1979 года мы с супругой отмечали десятилетие совместной жизни, и я ей сделал подарок – пообещал больше не пить никогда. С тех пор я трезвенник, а с 1984 года, прослушав лекцию В.Г. Жданова, стал активным борцом за народную трезвость и даже занесён во «Всемирную энциклопедию наркотизма и трезвости».

Белогорская любительская киностудия, впоследствии получившая звание народной, была особым увлечением и гордостью Филатова. Основателем студии был известный в городе человек – Александр Михайлович Рыжков, который вместе со своими товарищами Богданом, Налимовым, Хрюкиным и Шалаем в марте 1960-го создал киностудию при кинотеатре «Россия». Фильмы демонстрировались перед началом киносеансов, вызывая большой интерес зрителей. Анатолий с большим энтузиазмом проводил съёмки, проявлял плёнку, монтировал, озвучивал фильмы. После нашего знакомства я с интересом включился в работу студии, на это уходило всё свободное время, но было интересно, особенно съёмки. У Анатолия я многому научился. В одном из фильмов моя фамилия попала в титры. Всего с участием Филатова было создано около двадцати фильмов.

После ухода Рыжкова на пенсию Анатолий с удовольствием принял руководство студией, за что позже поплатился своей основной работой в телерадиокомитете. Председатель комитета Борис Рябов, да и его заместитель Виктор Дыбов – непосредственный руководитель Филатова, посчитали, что несогласованное совмещение является грубейшим нарушением. *«Они постоянно ездили на курорты, устраивали пикники, выписывали себе повышенные гонорары, а я не имел право работать на двух предприятиях»*, – писал Анатолий. Тем временем его семейная жизнь разрушилась окончательно. На этом неблагоприятном фоне покончив и с трезвой жизнью, Филатов уехал к матери во Владивосток.

Из его письма: *«Ты помнишь Владивосток, барак на Луговой, эту маленькую комнатку. После моей трёхкомнатной белогорской квартиры я жил три года, словно в клетке. Мать посещали какие-то грязные бабки и ночевали порой у нас... Порой я сомневался в своей мечте вернуться в Белогорск, но не за милостыней (Эльвира сказала, что я пропаду во Владивостоке), а вернуться и привезти с собой ещё какой-то багаж добра и чего-то такого, чтоб можно было подарить всем людям, как это сделал мой герой из “Сказки о том, как дед Филька пас чужие сны”. Но, увы, я встретился со старыми друзьями, и мы пили с ними. Но, в отличие от них, я работал. У меня 49 лет рабочего стажа. Из них, Николай Трифонович, двадцать лет журналистики и двадцать девять лет стажа – рабочего. Ты пытался меня пристроить к даме, чтобы наладилась семейная жизнь. Я благодарен за это. Но мать моего друга Анатолия Островского, которого нет уже двадцать лет (всё та же водка), сказала, что на картах мне выпадает рыжая дама. Я и не думал особенно о дамах. Но она встретилась на телевидении, где я работал кинооператором, и мы прошли уже четверть века трудной и счастливой жизни. Может, в чём-то у нас разные взгляды – она обращается к Богу, но не очень верит в него. Я очень верю, но больше грешу. С уходом из жизни Островского я уже меньше пил, а когда умер через десять лет Володя Москевич, я стал пить ещё меньше. Но*

употреблял, и ты говорил с Натальей на эту тему, и оба приходили к выводу, что из меня можно сделать трезвенника. И я пришёл к тебе. Здесь, наверное, не стоит рассказывать о последних пяти годах моей жизни. Все эти годы я стоял на твёрдой платформе трезвого образа жизни».

Действительно, эти годы стали самыми плодотворными в его жизни: он издал несколько книг, стал членом Союза писателей России, начал выпускать литературно-художественный журнал для детей, подростков и юношества «Алые паруса Приморья».

По приезду во Владивосток Анатолий был принят на работу в «Дальтелефильм» кинооператором. Работа знакомая и любимая. Командировки для одинокого мужчины не были в тягость, а самая длительная – целое лето на острове в Охотском море – впоследствии стала основой для написания детской книги «Стёпкин остров сокровищ». Затем Филатов поступил на курсы механиков Уссурийского рефрижераторного депо. Гуманитария стать технарём, да ещё на пятом десятке лет, да всего за полгода учёбы, дано не каждому. А Филатов смог. Он стал работать рефмехаником, затем начальником секции, и так до пенсии. Но всё это время Анатолий не оставлял творческий труд. Результаты впечатляют: три сборника стихов, повесть «Долгое возвращение», документальная книга «Время и судьбы» – о рабочих Уссурийского локомотивно-рефрижераторного депо, пьеса «Перелётные птицы», четыре детские книжки, «Сказки в связке».

«“Связка” – это слово имеет для меня магическое значение, – говорил Анатолий Ефимович. – Дело в том, что в детстве меня завораживали праздники:

по улицам шли колонны, гремела музыка, шелестели знамёна, летели шары. Синие, зелёные, красные – они уносились в связках высоко в небо. Затаив дыхание я смотрел на них, и мне казалось, что там, в вышине, есть другой мир, тот, о котором рассказывается только в сказках. Эти разноцветные сказки шаров навсегда вошли в моё сердце. Поэтому и книгу я назвал “Сказки в связке” – пусть они, как шары моего детства, летят в неведомую даль и, может быть, кому-то тоже покажутся чудом. Я очень на это надеюсь».

В 1999 г. А. Филатов был принят в члены Союза писателей России, а в 2005-м стал членом Международного союза славянских журналистов. Он был удостоен звания Лауреата премии мэра Владивостока, награждён медалью «России верные сыны». С 2002 г. всю творческую энергию он направлял на любимое своё детище – журнал «Алые паруса Приморья». А это не только сбор материалов и редакторская работа, но и финансирование, фотографии. Иллюстрации делала его жена Наташа. Они познакомились, когда работали на «Дальтелефильме». Наталья тогда вела детскую передачу, часто используя в сюжетах рисунки. Эта детская непосредственность и сблизила двух удивительных людей. Потом родилась Надя и спустя годы тоже присоединилась к созданию журнала в качестве корреспондента. Последний 24-й номер им с Натальей пришлось завершать вдвоём: Анатолий Ефимович Филатов скончался 29 ноября 2008 года.

А девятый, поминальный день оказался днём 67-летия со дня рождения Человека, прошедшего жизненный путь с детской душой и чистыми помыслами.